

Александр КОСТЮШИН

Родился в 1950 г. в Ярославле. Первые публикации появились в областной молодёжке «Юность». В творческом багаже — рассказы, повести, пьеса в стихах, стихотворения, сценарии, миниатюры, афоризмы, сценки для эстрады. Количество публикаций приближается к шести тысячам. Публиковался в десяти странах, в 223 изданиях, в том числе в журналах «Крокодил», «Чаян», «Крестьянка», а также в «Мире новостей», «Вокруг смеха», «Литературной газете», «Литературной России», «Парламентской газете», «Аргументах и фактах», «Вечерней Москве», «Московском комсомольце» и др. Публиковался в сборниках Верхне-Волжского

и московских издательств («Антология авторского анекдота», «Талан», «Афоризмы», «Тринадцатое чувство», «Самые смешные рассказы» и т. д.), в коллективном юмористическом сборнике о перестройке, вышедшем в 1989 г. одновременно в Германии, Австрии и Швейцарии.

Сотрудничал с телеканалами ОРТ («Первый»), НТВ, «Московия», с радиoproграммами «С добрым утром!», «Опять 25», «Пятачок», с известными эстрадными исполнителями — Евгением Петросяном и Яном Арлазоровым. Писал сценарии для сатирического тележурнала «Фитиль». Автор книг «Опережая время» (1988), «Голая истина» (1990), «Парад команд» (1991).

Лауреат журнала «Крокодил» (1980). Лауреат премии «Литературной газеты» — «Золотой телёнок» (2005). Победитель internet-конкурса «Чудесные истории о деньгах» (2001). Член международного объединения юмористов «Чёртова дюжина».

Живёт в Ярославле.

Мы представляем читателям произведение такого рода, какие редко встречаются в русской литературе. В отличие от нынешней выморочной моды, диктующей курс на развал, распад и медленное угасание всего и вся, это — насквозь позитивное, победительно-мужское, плейбойское повествование о человеке, у которого «всё хорошо, а дальше будет ещё лучше», о человеке, который, кажется, стоит на пороге счастья. Между тем ирония живёт здесь в каждой первой строчке, самоирония — в каждой второй. Череда неожиданных событий, следующих одно за другим, а также искромётные диалоги и остроумные внутренние монологи не дадут читателю заскучать ни на секунду. Автор талантливо и честно раскрывает перед нами реалии непростой современной жизни и даёт возможность совершить экскурсию в не менее богатое на приключения прошлое своего героя.

«Расскажи мне о себе»

Повесть о делах обиденных и не очень

Контора плюс

Раньше Ген Геныча у нас на службу никто не является. Не потому, что он один у нас в Конторе ударник капиталистического труда, а все остальные — разгильдяи, хронические опозданцы и злостные нарушители трудовой дисциплины. Нет, совсем не поэтому! Просто по неписаному закону нашей удивительной фирмы появляться в офисе раньше генерального директора считается дурным тоном, граничащим с карьеризмом на уровне преступного выпендрёжа. Кто знает, что там на уме у этого шустряка? Может, он босса подсиживает? Может, является штатным агентом конкурирующей организации? Может, гад такой, в одиночку пончики нямкает и курит дорожные сигареты, а потом стреляет у сослуживцев «L&M» и лепит со слезою горбатого про парализованную любовницу и тяжёлое материальное положение родного микрорайона? Но среди нас таких не было, нет и не будет! Работу свою мы любим и о личном трудовом реноме печёмся из последних производственных сил. Хотел бы я посмотреть на того идиота, который своими руками готов похоронить мечту всего прогрессивного человечества — ничего не делать и зарабатывать ого-го! По крайней мере — не меньше нас.

Честно говоря, я не знаю, что производит наша обожаемая Контора, какой конечный продукт выдаёт на гора, какова конкретная причастность каждого из нас в деле процветания кормящей организации и за что нам, чёрт возьми, платят деньги? Нельзя сказать, что я на работе вообще ничего не делаю — ведь что-то я, наверное, вытворяю, если получаю за это действие вознаграждение плюс премии плюс отгулы плюс подарки на торжества. Так что в своей полезности я почти уверен, но не подойдёшь же от фонаря к тому же снобу Владику Остробольскому и не спросишь его, каким путём он собирается схлопотать на службе свою трудовую грыжу? Да мне его и спрашивать ни к чему — я и так вижу, что этот лощёный боу с незаконченным полусредним образованием жилы свои не рвёт, хотя имеет оклад, равный месячной подачке роте академиков в условиях, близких к битве за выживание.

Ладно! Что-то я в такие дебри полез, из которых не сразу вылезешь.

У нас в Конторе всё хорошо! Коллектив пашет пчёлками на благо своей необъятной родины! План перевыполняется регулярно! Наряду с отдельными достижениями имеются ошеломляющие победы! У меня буквально кости хрустят от неимоверного напряжения! Генеральный директор направляет и координирует фирму с мудростью великого кормчего! Да здравствует самый генеральный из всех генеральных

мира! Viva Victoria! Сяо бяо! No passerine! Но являться в Контору раньше Ген Геныча у нас не осмеливается никто! Вот поэтому-то мы и подтягиваемся на службу на час-полтора позднее.

Во вторник я примчался на работу за пять минут до прихода шефа. Секьюрити Коля Галкин только ойкнул, увидев меня.

— Сидеть! — рявкнул я, как считаю нужным согласно статусу. — Руки за голову! Где ключи?! Ключи где? Твою мать, свекровь и кузину скопом!

— Что с вами, Александр? — спросил Галкин, подавая мне ключ.

— Заболел! — чистосердечно признался я. — Вчера был у нейрохирурга. Головотяп предлагает ампутацию черепной коробки. По ценам значительно ниже рыночных. Ночью дешевле. Никогда себе не прощу, если я на этом не сэкономлю пару тысяч заморских баксов!

— Тогда — конечно, — согласился охранник.

— Коль, будь другом, если Ген Геныч спросит, когда я пришёл, скажи, что в восемь! «Метрополь» не обещаю, но пиво гарантирую.

— О'кей! — согласился Коля, не вдаваясь в подробности.

Не надо думать, что у нас в Конторе принято снисходить с заоблачной высоты своего элитного положения до каких-то рядовых, прошу прощения за высокомерие, сотрудников безопасности, — дистанцию у нас соблюдают строго. Но я — исключение из правил по всем пунктам жёсткого этикета, и это принимается всеми как истина в последней инстанции. Таков мой образ жизни, и тут мне бесполезно что-то доказывать! Иначе можно нарваться.

Наш офис представляет из себя ёмкое помещение, набитое под завязку различной техникой. Надеюсь, всем понятно, что деталей тракторов у нас не найти, да и бензопила нигде не валяется, но техника не уступает аналогам всех приличных офисов мира. Разделён офис на восемь закутков, в которых торчат штыками восемь руководителей отделов. Я руковожу отделом моделирования. Остробольский — отделом развития. И т. д. Подчинённых у руководителей нет, так что руководим мы сами собой, что обеспечивает нас возможностью компромисса в самой неуправляемой ситуации. Ген Геныч сидит в отдельном кабинете с бронированной дверью. Длина кабинета равна ширине офиса. С обеих сторон разделительная стена сработана из тонированного стекла, но мы уверены на все сто процентов, что в любое время Ген Геныч может открыть окно в наш внутренний мир. А ещё мы знаем, что это стекло обладает пуленепроницаемостью и гранатостойкостью. Один тут как-то надумал в отсутствие шефа раздолбать стекло наличными боевыми средствами, сломал три стула и на другой день на службе не появился. Это навело нас на мысль, что офис оснащён скрытыми камерами слежения. Впрочем, их с успехом может заменить любой из нас, так как у каждого есть родственники, которые с удовольствием внедрились бы в нашу процветающую Контору. Вот вкратце и всё, что достойно внимания и огласки относительно интерьера помещения нашей дружной, но малолюдной семьи.

До прихода шефа оставалось совсем мало времени, и я скоренько навёл рабочий беспорядок в своём закутке, вылил из термоса в кофейник напиток бодрости, плеснул немного кофе в трудовую пиалу, вывел на экран монитора один из проектов, взъерошил волосы и сделал оптимально творческий вид. Добро пожаловать, ваше превосходительство!

— Здравствуй, Геннадий Геннадьевич! Как погода на улице? — встретил я шефа прямым тараном. В Конторе только я один имел право обращаться к нему на «ты», так как был старше его на восемь месяцев, по коридорам университетов вежливости ранее не болтался и всегда оставался самим собой, будучи железобетонно уверенным в том, что иной раз смазливый выканьем можно смертельно травмировать любого силовольного

человека. При желании, господа, при желании. А? О! А как вам импровиз про погоду? Тонко? Козе понятно!

Конечно, шеф уже был в курсе того, что сегодня кто-то осмелился оставить его в кильватере, тем не менее, мой напор не прошёл бесследно. Шеф снял клёвые солнцезащитные очки, протёр их белоснежным платком и подошёл ко мне для разбора полёта.

— Македонский, здравствуйте! У вас всё в порядке? — вынужденно пожав мою протянутую не за подаванием руку, спросил Ген Геныч.

— Как всегда! Вот проект макета заканчиваю. Ночью такая грандиозная мысль меня взбудотенила, еле до утра дотянул. Как насчёт посмотреть?

— И это всё?!

— А что ещё со мной может случиться? Запоями и запорами не страдаю. Так что только работа способна сотворить из меня одержимого.

— Без четверти двенадцать жду вас, Александр, в своём кабинете!

— С макетом?

— Без.

— В лепёшку расшибусь, но пожелание выполню!

— Распоряжение.

— Что?

— А?

— Сегодня?

— Позавчера.

— Бу сделано!

— Сидите-сидите! — Ген Геныч сделал мне трижды ручкой и шмыгнул за танковую броню.

Я отправил компьютер на перекур и деловито покинул офис. Не люблю бесцельно утюжить стриты и авеню, но торжественная встреча приходящих сотрудников меня совершенно не вдохновляла.

— Меня здесь не было! — бросил я Коле Галкину, проходя мимо поста.

— О'кей! — согласился Коля.

Вторник уверенно набирал привычные обороты. Население прилежно топтало импортные подошвы, разрезало пространство «тачками», хрустело костями в транспорте и споро торговало разными разностями. У газетного развала я тормознул.

— Сударыня, свежий номер «Человек месяца» у вас есть?

— «Человек месяца»? Извините, но я о таком издании даже не слышала!

— Жаль! Весь номер посвящён одному великому человеку. Хотите знать, что там обо мне написано?

— Иди-иди, придурок, опохмелись! — вклинилась в диалог хриплая торговка жареной шелухой. Почему-то среди этого контингента культурных и симпатичных леди, как правило, не встречается. Отвечать таким — себе дороже, но я не преодолел искушения:

— Пардон, мамзель! А вы не пробовали вместо ваших вяленых пауков подмешивать в семечки жареных тараканов?

Газетная сударыня весело рассмеялась, а торговка наполнителем для аппендиксов поперхнулась собственным криком. Я купил пару газет, послал газетчице воздушный набор умопомрачительных поцелуев и направил стопы к знакомому мини-парку, где всегда можно было рассчитывать на кусок скамейки и добрый шмат прохладной тени в самое нестерпимое пекло дня.

В Конторе я появился в одиннадцать тридцать пять. Встретили меня почти как обычно. Только Валентина Игнатьевна чему-то вздохнула, а Лёшка Селиванов показал мне ку-

лак. Всё ясно: где-то произошла утечка. Впрочем, другого ожидать было просто глупо! Ладно: всё нормально, господа, всё путём, всё в пределах разумного!

Без четверти двенадцать я стоял на ковре перед светлыми очами (тёмные очки в расчёт не берём) господина Ген Геныча.

— Садитесь, пожалуйста, Александр! Рассказывайте.

— О чём?

— Ну, что там у вас случилось?

— Где?

— Что?

— Ах, вы об этом? Понимаешь, Геннадий Геннадьевич, я сегодня в 15.00 должен, кровь из носа, быть у гинеколога. Вопрос жизни и смерти!

— Пол меняете?

— Беременность желаем предотвратить. Вот ради этого я и вышел сегодня раньше. Все дела переделал с хвостиком. Отпустишь?

— Отпущу. А может, вы всё-таки не лишите ребёнка последней жизни?!

— Да я-то согласен — Лоран не хочет. Она работает первым планом в парижском варьете, снимается в мюзиклах и не хочет ради моего наследника рисковать карьерой. Прилетела вчера вечером. Я тут же договорился об операции. Послезавтра она уже выступает.

— Познакомите?

— А когда? Обедать она завтра хочет в столице Франции.

— Александр, а вы, оказывается, не последний человек в этом мире!

— Возразить ничем не могу. Но прошу учесть, что мои положительные качества цельной, всесторонне развитой личности отнюдь не ограничиваются одними тривиальными сексуальными достижениями и при умелом подходе от такого индивидуума можно получить баснословные дивиденды!

— Это вы о чём?

— Да всё о том же.

— Хорошо, я подумаю!

— Так я завтра и послезавтра не выхожу?

— Как вам будет угодно.

— Mersi!

— Please!

Я пробкой вылетел из кабинета, промчался мимо измученного вопросами коллектива, показал Лёшке Селиванову кулак, дал щелбана дежурному секьюрити Коле Галкину и вылетел на свободу.

Обычный вторник резко трансформировался в явление уникальное: я ехал к Лене!

Мальвина

С Леночкой Травиной я знаком уже целую вечность. Когда их семья въехала в наш дом, вся ребятня столпилась у подъезда. Пожитки новосёлов нас не интересовали, — изьяны нажитого добра оценивали местные аксакалки, — мы выискивали в новосёлах своих людей. Таковой оказалась хрупкая девчонка с большими голубыми глазами и с чёрным пуделем на руках. Её мы тут же окрестили Мальвиной. Пока тщедушные мужики таскали

на горбах пожитки Травиных, Мальвина выгуляла без разрешения по нашему (!) двору своего барбоса. Пёс тщательно пометил новую территорию, облаял доминошников и расшвырял по деревьям всех аборигенных котов, обеспечив Травиным лютую неприязнь со стороны старожилок нашего региона.

А нам Мальвина понравилась! Девчонки, конечно, нашли в ней кучу минусов, но пацаны имели на этот счёт своё мнение, и уже через неделю все были влюблены в неё отчаянно и бесповоротно. Все, кроме меня. Во-первых, я был старше Ленки почти на два года и не считал возможным тратить пыл души на всякую мелкоту. А во-вторых, она быстро подружилась с моей сестрой Оксанкой, часто бывала у нас дома, стала чуть ли не членом семьи, и я относился к ней не более нежно, чем как к двоюродной родственнице.

Шустрыми стрижами летели годы. Многие мальчишки уже совершенно открыто мусолили сигареты, брились отцовскими бритвами и хрипели под гитару в беседке неофициальные романтические хиты. Девчонки весьма удачно повзростели в модных невест, среди которых Мальвина считалась наипервейшей. А для меня она по-прежнему оставалась настолько своей, что весь двор утвердился во мнении, что между нами уже что-то произошло. Оксанка не пыталась разубеждать общественность, но мне она как-то сказала, что таких дураков, как я, на свете больше не наблюдается и что когда-нибудь я о своей лопухости здорово пожалею! Я сделал вид, что мне чихать на её намёки, и сестра от меня отцепилась на веки вечные.

Потом Травины переехали в более престижный район. Я тоже получил от своего умирающего НИИ однокомнатную квартиру у чёрта лысого на куличках. Ленка Травина регулярно звонила мне по праздникам и в дни рождения, но дальше поздравлений и пустого трёпа дело не шло. Да я к этому и не рвался — слишком много всегда было рядом со мной симпатичных, раскрепощённых женщин, желающих общения с перспективным специалистом, представляющим, по его мнению, авангард отечественной науки. Так что Мальвина автоматически была вне игры, тем более что как-то она позвонила мне и со звоном в голосе сказала, что выходит замуж.

— Поздравляю, но не завидую! — изрёк я, имея за плечами горький опыт своих бракованных знакомых подруг. — На свадьбу, Мальвина, не позовёшь? Осень кусать, однако, хосется!

— Дурак! — подтвердила чужая невеста застарелый диагноз моей сестры.

— Не груби, детка, взрослым! Могу и в угол поставить! — Короткие гудки оборвали моё взрослое словоблудие на самом интересном месте и почему-то кольнули сердце тысячами иголок.

Прошло ещё пяток взъерошенных лет. Несколько раз я пытался по каким-то датам испортить Мальвине замужнее настроение. Но каждый раз в трубку басили инородные существа, и я позорно выдавал абоненту что-то типа: «Академик Королёв спрашивает, куда вы положили третью ступень от “Союза-244” и будет ли сегодня аванс?» Мужики на другом конце провода извинялись и объясняли, что на Байконур нужно звонить по другому номеру. Я искренне возмущался и бросал трубку: ну что такое — опять на космодроме с телефонами кавардак!

И вот Ленка позвонила сама. В воскресенье, во второй половине дня.

— Могу я поговорить с академиком Королёвым?

У меня уже слипались после пива и копчёной курицы глаза, к тому же за эти годы её голос слегка забылся, и поэтому я пробурчал в высшей степени недовольно:

— Академик Королёв будет ожидать вас для разговора каждый пятый вторник в три часа ночи внутри кремлёвской стены.

— А Макендонский ему компанию не составит? — спросила Ленка.

— Представляться надо! — неожиданно разозлился я сам на себя.

— С каких это пор?

— С тех самых, как вышла замуж!

— Ой! Кажется, мы ревнуем?

— С кем это вы там кого-то ревнуете?

— Македонский, ну зачем же так передёргивать?!

Да, время неумолимо наносит свои сокрушительные удары: раньше она никогда не называла меня по фамилии! Я проглотил эту горькую пилюлю и бодро, даже слишком бодро, спросил:

— Чем могу помочь, госпожа Мальвина?

Ленка и сама уже поняла, что слегка перегнула палку. И хотя годы лихо сглаживают разницу в возрасте, и я сам давно предпочитаю ухлёстывать за девами юнее подружки моей сестры, но для Ленки Травиной я по-прежнему оставался недосыгаемым Эверестом. Так мне хочется думать. Впрочем, таких остолопов, как я, можно, при желании, объехать на любом повороте жизни. К моему великому сожалению!

— Саш, а Саш! — сбавила обороты Мальвина.

— Слушаю.

— Мне с тобой поговорить срочно нужно!

— Говори.

— Это не телефонный разговор.

— Тебя прослушивают?

— Возможно.

— Ты под колпаком у АБВГД?

— Не исключено.

— А по рупору?

— Батарейки сели.

— А по мегафону?

— Доступа нет.

— А по...

— Ну, хватит, Саш! Приезжай, пожалуйста! Вопрос жизни и смерти!

— Если — смерти, то скоро буду.

— Как — скоро?

— Ну, что тебе, Мальвина, сказать...

— Ничего мне не говори! Приезжай немедленно!

— Немедленно не могу. Слушай, давай — во вторник.

— Почему во вторник?

— Завтра я сдаю шведам развёрнутую панораму совместного бизнеса, и сегодня у меня нет времени даже на один чих. А после сдачи будет банкет, на котором моё присутствие просто необходимо. Так что — только во вторник!

— Договорились. Жду тебя в любое время не позднее полуночи.

— Почему такие жёсткие рамки?

— Ночью я сплю.

— Оригинально! Не устраивает полночь, буду у тебя после полудня.

— Фиксируй координаты.

— Это мы запросто!

Я записал адрес, уточнил удобный маршрут и пожелал Мальвине успехов в труде и в личной жизни, на что она неопределённо хмыкнула и, по-английски, не прощаясь, повесила трубку.

Да, я мог бы отложить в сторону все дела. Да, я мог бы опрометчиво предоставить «Спартаку» и «Зениту» право крушить друг друга без моего бдительного надзора за битвою по ТВ. Да, я мог бы сто раз плюнуть на Internet и сломя голову лететь в туманное, но реальное далёко. Да, я многое мог бы. Но! Интересно: ради какой такой радости и ради каких утех я должен вычёркивать из хроники жизни пару любимых кадров?! Это — во-первых. А во-вторых, цена на услуги первой необходимости набивается только во время торга. Эта аксиома мною давно проверена, и поэтому я привычно положил между сытным куском воскресного пирога и ломтиком интриги встречи во вторник небольшую прослойку масла из грядущего понедельника. Я такие бутерброды делаю одной левой, и они мне по вкусу!

Лоран и Галка

В понедельник в моей планиде интересностей не было. Никаких шведов (только их мне и не хватало!), никаких глобальных проектов — ничего примечательного. Была хмурая дорога на службу, бесконтрольный рабочий день, усталая дорога домой и тесное общение со Спиллейном. Я его раз пять уже перечитывал. Ну что про Микки сказать? Отлично владеет штампом на потребу затюканной бытом публике! Уважаю и не стыжусь своей библиофильской ориентации! Зачем стыдиться сугубо личных пристрастий?! Впрочем, все плевать хотели на мой стриптиз. Ну и ладненько!

Хотел рассказать о понедельнике чуть больше, чем было на самом деле, но вижу, что особо не разбежишься. Стоп: из-за кактусов и роз вышел дедушка склероз! Как это — в понедельник не было интересностей?! А Лоран! Она же не на гастроли прилетела в Россию — она прилетела именно ко мне и ни к кому больше! Если не считать моего знакомого гинеколога, но его я считать не хочу. Он по старой дружбе мне столько, наверное, насчитает, что слабо, с гарантией, не покажется. И зачем Лоран решила привести себя в порядок в Москве, хоть убей, не могу понять! Одно я знаю наверняка: женщину понять невозможно!

Ой, ещё чуть было не забыл один фрагментик из первого дня недели!

Лоран позвонила мне в двадцать с хвостиком. А у меня в это время гостила на софе соседка Галка из тридцать пятой. Без одежды, но после душа. Так сказать, готовность номер один. Да и я уже на подходе был. И тут раздался звонок. Сколько раз говорил Галке, чтоб не трогала телефон, чтоб шарахалась без меня от звонков, как нечисть от ладана, — без толку! Только мой бордовый аппаратик «дзынь-дзынь», Галка сразу трубку — хап-хап: «Алё! С вами говорит телефонный секретарь Александра Македонского. После длинного гудка назовите, плиз, своё имя и суть звонка. Македонский перезвонит вам при первом удобном случае». И тут же — в трубку, как мышка: «Пи-и-и-и-и».

Я уже в такие идиотские ситуации попадал из-за непреодолимой тяги Галки к телефонизированному эфиру — не высказать! Один раз её муж Сергей позвонил. Никогда не звонил, а тут сподобился. Галка трубочку заграбастала, поговорила автоответчиком, быстренько оделась, через подъезд к подружке смоталась и оттуда позвонила законному. Тот не поверил, что она у Татьяны и побежал к подруге с проверкой. Прибегает, а супружница там. «А кто мне от Македонского только что ответил?» — спрашивает Сергей. «Кто?» — тарашится на него Галина. «Ты!» — «Не я!» — «А кто?» — «Кобыла в манто!» Сергей побежал ко мне, чтоб проверить автоответчик, а Галка мне позвонила, и я отсоединил за шкафом провод. Сергей прибежал, а телефон у меня вообще не работает. «Как это не ра-

ботает! — закричал рогатый. — Только что работал, а тут не работает!» — «А ты откуда знаешь, что он работал?» — «Так я же только что сюда звонил. Галину искал» — «А ты её здесь терял? Выходит, это после твоего звонка телефон мой сломался! С тебя теперь причитается новый аппарат — с автоответчиком и определителем номера!» — «Это кто это такое сказал?» — «Кобыла в манто!» — отчеканил я свой фирменный лейбл, и у Галкиного Сергея глаза на лоб вылезли. Оба два. Ну, умора: я ж не знал, что его жена уже всюю таскает у меня словечки из моего же вольного лексикона!

Да бог с ним, с Сергеем! Я же не об этом местном олене хотел вам кое-что рассказать, а о явлении народу моей Лоран.

Когда Лоран позвонила, а Галка начала прикидываться телефонным секретарём, Лоран ей так там что-то сказала, что у Галки задрожали губы, и она судорожно протянула мне трубку: «Тебя! Какая-то».

Сказано это было таким тоном, что моя всё возрастающая готовность к любовным подвигам пропала сама собой.

— Алло. Македонский на проводе.

— Македонский, я тебе устрою такую битву при Ватерлоо, что ты забудешь, как тебя звать! — обрушилась на меня Лоран.

— Здравствуй, милая! Да будет тебе известно, что твой Македонский выше всякой битвы при Ватерлоо и даже выше сраженья под Аустерлицем, так как путешествия во времени им ещё не освоены.

— Ну, хватит, Алекс, мозги мне пудрить! С врачом договорился?

— Как дважды два, умноженные на два.

— Ну — и?

— Всё будет так, как тебе удобно.

— На вторник?

— Оуі.

— Во второй половине дня?

— Оуі, madame.

— Полиглот, однако!

— Сам шокирован! Ты откуда звонишь?

— Из «Орли». Скоро буду в Москве. Встречай!

— В лепёшку расшибусь!

— В лепёшку не надо! Расшибись в блин!

— Заказ принят!

— Ещё бы — нет! Надеюсь, у тебя хватит сообразительности и такта заказать мне номер в гостинице, встретить в аэропорту и сопроводить потом к своему любимому гинекологу Васе?

— К Эдику.

— Что — к Эдику?

— Киллера, мадам, зовут Эдиком.

— Да хоть — педиком! Мне важно, чтобы всё состоялось!

— Всё будет чётко!

— Надеюсь!

— И не напрасно!

— До встречи!

— Естественно.

Вот такой диалог. Ни «здравствуй», ни «целую». Ну, Галка! Ну, чертовка! Ну, подставила хорошего человека! Представляю, какой глупый вид имел я во время этого разгово-

ра! Вообще-то, Лоран такую бывает редко. Но бывает. И я тогда немного теряюсь и порю чушь. Правда, я быстро вхожу в привычную колею, но ощущение неловкости ещё долго терзает моё травмированное сознание.

— Ну, и кто это такая была?! Что это за телефонная хулиганка такая тут объявилась?! И по какому, скажи мне, праву она на меня наехала?!

Вижу, Галка уже пришла в себя и теперь не прочь помахать своими симпатичными кулачками. Святое дело — после драки показать свою прыть! Кто на свете всех сильнее, всех зубастей и зверее?!

— Галчонок, я сколько раз тебе уже...

— Нет, ты всё-таки мне скажи!

— ...говорил...

— Да если бы я захотела, я бы её одним словом размазала по стене!

— ...что не надо трогать мой телефон!

— Да если она ещё раз...

— Фурия!

— ...сюда...

— Фурёныш!

— ...позвонит...

— Вах, вах, вах! Какие мы вани грозные!

— Да ну тебя! Ну не трогай меня! Не трогай, кому сказала! Не трогай меня, мерзавец! О боже мой! Ну, что же это такое...

Я не понимаю: ну как это можно было её не трогать?! Пока я разговаривал с Лоран, Галка на софе такие демонстрировала фигуры, в такие позы «лотос» себя закручивала, такое изъявляла отъявленное желание, что организм мой оказался сильнее стечения обстоятельств, и я окунулся в женщину с неосознанной решимостью опытного пловца, уверенного, что камень на шее и связанные за спиной руки не помешают ему пройти свою коронную дистанцию с новым рекордом мира...

Я уже был почти готов покинуть квартиру, когда Галка вышла из ванной. На этот раз — в трусиках.

— Ты, кажется, куда-то, милый, спешишь? — удивлённо вскинула брови моя противная.

— Галь, нельзя ли поторопиться?!

— А мне это надо?

— А ты как думаешь?!

Галка быстро заглянула в моё бушующее нутро и оделась с такой нереальной молниеносностью, что можно было подумать, что передо мною крутят ускоренное кино. Умеют всё-таки женщины заглянуть туда, куда и сам заглядывать не всегда можешь. Умеют — если хотят. Ну, так на то же они и женщины!

— Не сердись на меня, пожалуйста! — попросила Галка в прихожей.

— Привет — Сергею! — наотмашь ударил я её фразой, прекрасно понимая, что сказал подлость.

Галка вздрогнула, а я похолодел от собственной безобразности.

— Галчонок, прости! — чуть не закричал я и рывком прижал к себе её пружинное тело. — Прости засранца!

— Да ладно тебе, беги!

— Бегу, любимая!

Я открыл квартирную дверь, глянул в глазок наружной, тихо вышел на площадку, прислушался — не дышит ли кто за соседскими дверями, выпустил на свободу Галку и

дал ей небольшого шлепка: лети спокойно в своё гнездо. Галка покрутила пальцем у виска и юркнула в вызванный мною лифт. Я поехал отдельным рейсом.

Лоран

Сто тысяч миллионов раз мной замечено, что если я нахожусь в цейтноте, то моя машина из принципа не заводится. Такой у неё характер. Точнее, норов. Нет, тачка у меня путёвая, и я с ней дружу. И она со мной дружит, помогает в передвижениях и даже иногда выручает в безвыходных ситуациях. Мы с ней — одна семья, и как это часто бывает в нормальных семьях, кто-нибудь из нас иногда бьёт копытом, раздувает ноздри и требует к себе особого отношения. Чаще всего фордыбачит моя Роднуля. Мне-то что перед ней выламываться — не я же её везу, а вот она иной раз капризничает. Вероятно, намекает на то, что к иностранке я должен относиться гораздо чутче, чем к каким-то «Волгам» или «Ладам» тольяттинского разлива. Да какая она, к чертям, иностранка, если мы с ней с полуслова понимаем друг друга. Нам даже и полуслова не надо, и так всё между нами тип-топ. И лично я отношусь к ней как к любимой женщине, выполняя без напоминаний любые её желания и случайные прихоти.

Но это всё — лирика, а по физике Роднуля иногда тормозит. Вот и сейчас, с чего бы это ей решилось вдруг заартачиться?

— Ну, что же ты, Роднуля, упрямисься? Ну, мне же надо, на самом деле! Ну, поехали, Роднуля, скорей! Я тебя умоляю! По-жа-луй-ста!

Волшебное слово сказано. Мотор тихо заурчал, и мы тронулись. Не умом, само собой, а лихо рванули с места и помчались встречать Лоран.

Лоран уже прилетела и покорно ожидала меня в зале ожидания. На то он и зал ожидания, чтобы меня там скромно ожидала Лоран. Правда, насчёт её покорности я малость преувеличил. Была бы её воля, она бы разорвала меня на куски: мол, не надо, дружок, опаздывать! Конечно, с волей у неё всё в ажуре, но мы же с ней уже настолько культурные люди, что не будем в аэропорту рвать меня на мелкие части. Я очень уповал на её культурность, но на всякий случай решил не приближаться к Лоран ближе, чем это требуют правила ТБ общения с хищниками.

— Привет, Лоранчик! Как долетела?

— Быстрей, чем тебе хотелось бы!

— Пардон, конечно! В такую пробку, милая, угодил, что думал, просижу в ней до пенсии.

— О, ля-ля: только Саша Македонский может угодить ночью в пробку на бескрайних степных просторах!

— Мне кажется, что кто-то мне плохо верит!

— Интересно, а кто тебе может верить хорошо? Кстати, а что один?

— А с кем я должен тебя встречать? С кем? С гвардейцами из почётного караула? С камерным ансамблем песни и пляски, что ли?

— А где твой писклявый автоответчик?

— Не понял?!

— Промчались мимо! Ну, здравствуй, Сашок!

В глазах Лоран уже не метали икру пираньи, антихристы, громовержцы и линчеватели, и я спокойно вздохнул: мне сохранили жизнь!

— Ну, здравствуй, звезда Парижа!

Лоран обхватила меня за шею и так сочно поцеловала, что мои руки с её лопаток произвольно поползли вниз.

— А вот этого, Сашуля, делать не надо! — пресекла Лоран развитие моих сексуальных спонтанных фантазий. — Поехали скорее в гостиницу. На лету засыпаю.

— А может, лучше — ко мне?

— Исключено! Мне нужен нормальный отдых.

— Тогда поехали.

— Привет, Роднуля! Как поживаешь? — на правах старой знакомой поздоровалась Лоран с моей верной тачкой. — Я сяду сзади. Лады? Вздремну чуток, а то немного поташнивает.

— Могу сказать, откуда это идёт.

— И всё-то ты, Македонский, знаешь! Прямо не Человек Два Уха, а «Что? Где? Когда?» с заготовленными ответами!

— А ты как думала! Ладно, рванули! Можешь не пристёгиваться. Надеюсь, что обойдётся, и ты никого по дороге не покалечишь. Би-би-и!

— Угу. — Лоран свернулась французским калачиком, и уже через минуту с ней можно было поговорить лишь только через Морфея.

Моих знакомых нового поколения интересует, где я впервые столкнулся с этим нереальным созданием? Я об этом всегда помалкиваю. Или плету им кружева о Елисейских полях, о канализационных люках Парижа, о тавернах Марсея, о закоулках Дижона, о секретной прочности пуансона и о злачном вкусе круассона. Во Франции я, к сожалению, пока не бывал. Хотя мог бы там даже жить. Лоран меня туда постоянно зовёт. И в Бельгии я тоже, к сожалению, не бывал. И в Италии, к сожалению. Вы можете мне не верить, но я даже в USA пока ещё не бывал. Хотя теперь не принято контактировать с теми, кто ни разу не просадил в Лас-Вегасе полсотни тысяч зелёных денежек. Да нигде я до сих пор не бывал. Хохляцкий Крым и Анталья считать не будем — это зоны отдыха любого и каждого. Почему-то я с детства считаю себя невыездным и стараюсь соответствовать этому своему читательству. Хмурю брови, когда речь идёт о круизах. Таинственно замалчиваю вопросы о моих секретных свершениях на ниве производственных отношений. Туманно точу лясы о произволе внешней разведки. Возмущаюсь диктатом внутренних органов. Ну и тому подобное, что касается моих странных отказов от выезда за рубеж и контактов с народами глобуса непосредственно на местах. Собеседники не верят, что в наше время существует термин — «невыездные», но ведь я же есть, и я даже разрешаю отдельным леди потрогать меня руками. Честно говоря, меня за кордон не тянет. Не потому, что я на турпоездки жалею money, а потому, что боюсь умереть там со скуки. Ну, посмотрю я на лавочку, на которой когда-то сидел какой-нибудь Авраам, ну, пройду от стойки бара до сортира, в котором ни разу не отметился какой-то Людовик, — и что с того? Неужели я от этого резко похудею в своих глазах? Наверное, нет. Уверен даже, что этого не случится! Вы только не подумайте, что перед вами какой-то воинствующий апологет отечественных ухабов, но я люблю отдыхать там, где люблю, а не там, где престижно. Как говорят дедули, извините — не современен! А вы можете бывать где угодно, и я ваш выбор действительно уважаю: живи как нравится и не мешай жить другим! Хотите посетить Таиланд? Битте-дритте — там очень дешёвые проститутки! А я сгоняю на Озерну — по слухам, там леши хватают мотыля буквально из рук! Мечтаете посетить Арабские Эмираты? Скатертью дорожка! Там евнухам и наложницам всегда радёшеньки! А я махну на Рыбинку, где меня заждался судак и где с одной лесной опушки я сниму багажник боровиков. Короче, вы меня поняли.

А с Лоран я учился в школе. Я не знаю, как я оказался в этом элитарном учебном заведении, где гранит науки грызли дети очень, даже очень даровитых родителей. Возмож-

но, правительство столицы и лично министерство образования решили, что моё присутствие подтянет интеллект потомков сливок общества до уровня мировых стандартов. Такой вариант я не исключаю. А сначала я учился в обычной школе по месту жительства, но, когда в шестом классе я играючи выиграл несколько олимпиад по точным и гуманитарным наукам, меня насильственно перевели в элитку, и мне там понравилось. Училки в каждом школьнике видели человека, а их эрудиция превышала программный максимум средней школы. С ребятами я сошёлся легко, и никто из одноклассников не смотрел на меня заносчиво. Лишь однажды Стасик Чуркин (ну не Чуркин, не Чуркин) сказал при всех ни к селу ни к городу, что мой отец его папочке не годится даже в портянки. Ребята напряжённо притихли, ожидая моей реакции, а я отреагировал на эту гадость одной лишь буквой «о». «О-о-о-о!» — сказал я в такой тональности, что все от смеха буквально распластались по партам и по проходам. И смеялись все, козе понятно, не надо мной. К чести Стасика должен сказать, что он опомнился и тут же передо мной извинился, чем частично искупил свой случайный идиотизм, и в дальнейшем мы с ним были настоящими, большими приятелями. С той поры прошло много лет, но до сих пор я никак не могу понять: что смешного в кругленькой букве «о»?

О том, что к нам в класс приходит француженка, мы знали заранее. И вот наша классная дама Екатерина Михайловна Трубецкая (ну как вам такая фамилия?) представила нам Лоран. «Салют, ребята!» — приветствовала класс по-русски французская подданная. Класс ответил молчанием. «Салют», он везде — «салют». Даже в Черкизово. «Вот твоё место!» — показала Екатерина Михайловна француженке на парту у учительского стола. «Я буду сидеть вот с этим!» — в свою очередь, показала Лоран пальчиком на меня. А я уже двести лет сидел на последней парте у окна с Ирой Гладышевой, и Ира, естественно, возмутилась: «Ещё чего!» И тут Лоран разродилась такой тирадой на своём прононсе, что мы утухли. Звучали там и знакомые слова типа «шарман, маман, трэбьен, жюльен, бульон, лосьон и дискриминациньон». «Ирочка, пересядь, пожалуйста, на другое место! Зачем России нужен международный конфликт из-за места под школьным солнцем?» — попросила Иру Екатерина Михайловна. (Если вдумчиво проанализировать ситуацию, то, говоря про «место под школьным солнцем», наша классная имела в виду меня. По крайней мере, я вправе был тогда думать в таком разрезе.) Гладышева фыркнула, дёрнула плечиком и возмущённо уступила место Лоран. Та победительницей уселась рядом со мной. «И так всегда! — сказала она мне и чётко разделила фломастером стол. — За границу не залезать! Это территория Франции». Мне достался меньший кусок жизненного пространства под моим же слепящим солнцем, но я промолчал: дипломатия порою требует жертв. Да и на кой ляд мне сдался международный конфликт с девчонкой, которая уже оккупировала блицкригом почти всё моё влюбчивое сердечко?

Можно многое рассказать о Лоран — каким ветром занесло её на парту ко мне, о её родителях, о привычках, об особом французском шарме, о группе крови и прочее, прочее, прочее, — но оставим это повествование в стороне и остановимся на тех моментах, которые мне наиболее интересны.

Прочерченную ею же границу Лоран сама нарушала тысячи раз. И это были не вылазки контрабандистки за верным решением уравнения, не случайное нарушение границы заплутавшей в лабиринте науки добытчицы самородков знаний, это были откровенные демарши агрессорши, носившие неприкрытый сексуальный подтекст. Лёгкое прикосновение её горячей груди к моему плечу до конца уроков лишало меня способности ориентироваться в пространстве. Я и сейчас не могу найти полноценную замену затёртому штампу — «прикосновение горячей груди». Лифчик Лоран, разумеется, не носила, и соски её упругой груди буквально протыкали майку или платье насквозь, и была эта грудь

всегда столь горяча, что при касании прожигала меня едва ли не до отрубца. Смешно сказать, но однажды я остановил на перемене мальчишку младше себя и попросил его посмотреть, нет ли у меня на плече ожога. Он сказал, что ожога нет, и я сделал вид, что ему поверил.

А ещё Лоран терзала меня вопросами. «Македонский, а что бы ты со мной сделал, если бы мы остались с тобой на ночь в одной постели без ничего?», «Македонский, а ты ещё разве девственник? Ну и когда ты хочешь избавиться от изъяна? И с кем?», «Македонский, о чём ты думаешь во время эрекции?» Вот такое вот безобразие иногда шептала мне на ухо Лоран, и, хотя я был на тот момент эротически начитан и насмотрен не по годам, вопросы из её уст постоянно загоняли меня в тупик. И лучшее, на что я был способен, так это глупо отмолчаться или буркнуть: «Да пошла ты, Лоран!»

Но самые жестокие муки я испытывал, когда Лоран, как бы случайно, клала руку мне на бедро и, как бы совершенно случайно, доводила её до паха. Юный организм мгновенно реагировал на эту ласку, и мне приходилось маскировать сладкий стон, нещадно стучаясь головой о парту. «Что с тобой, Македонский? Зачем ты ломаешь парту?» — тревожно спрашивал меня кто-нибудь из преподавателей. «Да в боку вот что-то кольнуло. Аппендикс, что ли!» А один раз я так застонал, что Владимир Петрович распорядился доставить меня к врачу. Чтобы привести организм в порядок, мне пришлось ещё разок долбануть по парте лобешником, и к врачу меня повели без уродливо оттопыренных брюк. Наталья Львовна внимательно осмотрела меня, пропальпировала, приложила к паху в тряпице лёд, посоветовала брать в школу запасные плавки и меньше думать об ЭТОМ. Мои уши тут же вспыхнули спичками и мгновенно сгорели до головешек, и я удивляюсь, что со временем они отросли опять. «Да это, Александр, всё нормально! — сказала Наталья Львовна. — А в журнал я запишу, что у тебя был лёгкий приступ аппендицита». «Спасибо, Наталья Львовна!» — с удивительной для себя естественностью поблагодарил я замечательную врачиху и чуткую женщину. «Живи, мужчина!» — разрешила Наталья Львовна.

После возвращения в класс я попросил Лоран не ставить меня больше в неловкое положение. Да Лоран и сама уже поняла, что переборщила. Она поклялась, что больше не будет терзать меня на уроках. А ещё Лоран многозначительно пообещала с лихвой компенсировать мне мои моральные и физические издержки. Сердце тревожно ёкнуло и пугливо сжалось в твёрдый комочек. Под ложечкой сладостно засосало.

Но вернёмся из прошлого в настоящее. Три, четыре: уже вернулись.

Люблю гонять по ночным дорогам! Врубишь дальний — и полетел! Вот только ушами ночью не надо хлопать. А я и не хлопаю — не мой стиль.

У гостиницы я тихо притормозил и собрался терпеливо ждать, когда Лоран проснётся без моей помощи. Она проснулась почти сразу, как только замолк движок.

— Уже приехали? Как быстро! Я даже не успела прикрыть глаза.

Ты смотри: глаза она не прикрыла, а кто сопел и всхрапывал за моей спиной? Неужели Роднуля пригрела в себе автодорожного барабашку?

— Пока, Роднуля! — попрощалась Лоран, вылезая из лайбы.

Роднуля ей не ответила. Мы прошли в холл гостиницы и оформили все формальности. Номер Лоран располагался на четвёртом этаже и значился под номером 4103, что в сумме равнялось восьми. Очень знаменательное число, и я о нём вам как-нибудь расскажу отдельно. Тут есть о чём рассказать! Кстати, я опять поймал себя на неуклюжем изложении мыслей: «Её номер значился под номером» — воистину нет предела возможностям русского языка! Как в сторону плюсов, так и в сторону минусов. Но это вовсе не страшно!

— Саш, не провожай меня до места, пожалуйста! — попросила Лоран у лифта. — Тебе скоро на работу, да и я не хочу рисковать покоем, пуская тебя к себе. Ты же знаешь, что я сама не всегда управляю своими собственными желаниями. Поезжай, Сашуля, домой!

Лоран быстро поцеловала меня, и коварный лифт разлучил нас до скорой встречи.

Я принялся к поцелую: кайф чистейшей воды!

Ладно, поехали по домам. Денёчек намечался — будьте любезны!

Мальвина-2

Домой я приехал в третьем. Перекусил балыком с пивком, пощупал глазами прессу, сполоснулся под душем. Завёл будильник на семь и плахой плюхнулся в люльку. Хотелось спать, но сон упорно не шёл. Вот так бывает всегда: когда чего-то хочется, то этого не бывает вовсе. Или — случается, но не сразу. Ладно, со мной такие фортели не проходят! Я включил телек, поставил таймер на час пятнадцать и тупо уставился на экран. Через минуту меня уже не было среди неспящих не только в Сиэтле, но и в Москве.

Утром я вскочил по звонку, выполнил необходимые процедуры, сделал правдивый вид, что сделал усиленную зарядку, зарядил себя двойной дозой кофе, проглотил тройной бутерброд и отправился на работу.

События первой половины вторника я уже изложил чуть выше, и если у кого-то прогрессирующий склероз, то это, извините, его проблемы, а я с остальными поеду дальше. С остальными мы опять займёмся моим вторым днём недели — с того момента, когда я бросил свою фирму-кормилицу на произвол судьбы и поехал к Леночке Травиной, моей очень давней знакомой, известной мне с детства под дворовым псевдонимом Мальвина. Поехал к той самой Леночке, для которой мой приезд был вопросом жизни и смерти.

Дорогу описывать не имеет смысла. Остановимся на том, что Лена открыла дверь и сказала мне «Здравствуй!» «Здравствуй!» — ответил я и переступил порог её квартиры, отметив для себя, что на прежнюю Ленку нынешняя Мальвина похожа лишь отдалённо. Так, в глазах ещё что-то есть, а во всём остальном — не очень. Да какая там, пардон, Ленка, если встретила меня Елена Прекрасная!

Тут меня должно заклинить на глупой восторженности, и слова типа «блеск очей», «ланиты», «шёлк волос» и так далее и тому подобное просто обязаны низвергнуться водопадом из моих заскорузлых уст, но я оставлю эту словесную бижутерию начинающим графоманам и перейду непосредственно к сути дела. Не в том смысле, что я деловой, но что-то примерно близко.

— Мальвина, что случилось? Обидел кто-нибудь? Бандиты «наехали»? Менты окружили? Жилищники сорок лет не латают крышу? Противный дворник ненормативной лексикой оскорбил? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей! Кто за мной стоит, тот в огне горит! Кто не спрятался, я не отвечаю! Что случилось, Мальвина?

— Ну что ты, Саша! Ну, так же, право, нельзя! С порога. С места. В карьер. Галопом.

Ого! Ого-го! «Ну, так же, право... В карьер... Галопом...» Нет, нет и нет, определённо хозяйка этого дома уже далеко не Ленка! Мальвине эта дама по-прежнему соответствует, но Мальвине — взрослой и очень красивой! Впрочем, открыто планку мне так сразу высоко поднимать не следует, пусть всё пока останется на своих давнишних местах. Так сказать, для страховки.

— Так что же, Лена, случилось?

— Может, чайку попьём? — подавая новые тапочки, спросила Мальвина.

Нормальный ход! К моему приходу Травина подготовилась капитально! Даже разорилась на новые тапочки мужского фасона! Ай да Мальвина! Такое впечатление, будто она знала, что большие, но затоптанные домоходы я под дулом пушки ни за что не надену. Интересно: а Новая пижама Моего размера висит в шкафу? А нежёваную зубную щётку, которая идеально подойдёт к полости Моего жевательного устройства, она уже положила в стаканчик на ванной полочке? По крайней мере, меня бы это порадовало!

— Чайку, говоришь? А с чем?

— А с чем ты любишь?

— А с чем я люблю?

— А что, разве я обязана это знать?

Лена повернулась ко мне спиной и прошла на кухню. Я чуть не упал от её походки, от её спины и от всего остального прочего. Кажется, со мною может случиться кома или что-нибудь даже хуже! Держись за воздух, мин херц Македонский! Посмотрим, чем закончится чаепитие?

— Если ты не против, я ладони свои рабочие сполосну. Сама понимаешь: весь день с навозом, с грязью, с многотысячными купюрами, с иностранными компаньонами, с поддельными векселями...

— Споласкивай что угодно. Это входит в оплату твоего визита. Твоё полотенце с зайчиком.

— Могу я сбегать домой за мылом?

— Можешь. Если выйдешь из квартиры живым!

Про мыло я спросил Мальвину лишь для того, чтобы ни один мускул случайно не дрогнул на моём мускулистом лице после того, как я услышал про полотенце. Надо же: она уже и полотенце мне приготовила! С зайчиком! Мама, мамочка, я пьипыгал! Где, мамуля, моя морковка?

Напевая «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”», я прошёл в ванную. Увидев меня, полотенце с зайчиком приветливо шевельнулось. Оно меня заждалось. Зубной щётки в стаканчике не было. Стаканчик был. Там два стаканчика стояли на полочке. Один — Мальвины. С тремя непохожими друг на друга щётками. Ну, это понятно: на утро, на вечер и на всякий парадный случай. А второй стаканчик был настолько новым, что на нём даже наклейка изумлённо сверкала: а что это меня никто ещё не содрал?! Ладно, Травина, намёк понял, но я про «понял» ничего тебе не скажу. Поняла?

Чай Мальвина подавала с ватрушками. Именно от них я балдею всю свою гурманную жизнь. Спору нет: женщина, если ей это почему-то вдруг стало надо, всегда может угодить любому чревоугоднику супротивного пола! А если ей известны его пагубные пристрастия, то тут она вправе требовать от нужного ей мужчины мгновенной безоговорочной капитуляции без аннексий и контрибуций! Домашние ватрушки я обожал с пелёнок, и Мальвина об этом помнила. Ах, ватрушки, мои ватрушки! Слегка сыроватые! С деревенским творогом! С изюмом и с мелко рубленной курагой! Три-четыре раза в году! На очень большие праздники! Не потому, что дорого или хлопотно, а потому, что много праздников — обычный набор надоевших будней.

Сладкие воспоминания детства смешались с реальным запахом, и я голодной волчьей стаей набросился на поднос с ватрушками.

— Посторонись, болезные! Затопчу и проглочу! Чу-чу-чу.

Мальвина зазвенела счастливыми колокольчиками. О боже, как она заливается! О боже, какие очаровательные ватрушки! Ничего подобного я не ел уже пять столетий! Или — девять. Но не меньше семи.

— Мальвинка, ты не против, если я тебя сейчас расцелую? — запивая очередной кусман ароматным и крепким чаем, спросил я знатную кулинарку.

— Возражаю категорически! Ты весь в крошках и в твороге, а я вся в макияже и в ожидании.

— В ожидании чего?

— Дальнейших событий и разговоров.

— Каких событий?

— Какие будут.

— А разговоры?

— А что — не надо?

— Конечно, надо. Да, кстати, а где твой любимый муж?

— Любимый?

— Ну, ладно — не так спросил. Так ты ещё замужем или — как?

— Да совсем никак. Я же с мужем не прожила и месяца.

— ???

— С чужими живётся скучно.

— Значит, и с другими мэнами тебе было без меня скучно?

— Са-а-аш!

Голос Лены наполнился хмурым скрипом. Ну что хоть я за садист такой! Тут такие ватрушки, такое радостное предчувствие, а я опять за свои издёвки. Иной раз не хочу, а раню, но чаще я людей травмирую автоматом — привык подкалывать всех и вся, оно и стреляет. А вот эта фраза: «...без меня скучно» — вылетела из меня настолько случайно, что я не успел её подхватить и проглотить обратно. Сдаётся мне, что она уже давно сидела на выходе и ждала, когда я открою дверцу, а сам по дураости отвернусь.

— Мальвинчик!

— Что — Мальвинчик?!

— Не обращай на меня внимания!

О! И это у меня во мне что-то новое: я только что без боя отошёл на вторую линию оборонительных укреплений. И это не было тактическим отступлением. Стрелять за такое надо!

— А на кого мне, Саш, обращать внимание?

— На прогноз погоды, на курс валют, на международное положение, на перипетии спортивных баталий, на новости ТВ и кино, на...

— ...Македонского Александра, на...

— ...соседа по этажу. У него такие бронированные двери, что я бы на твоём месте давно бы начал осаду.

— Оставляю это удовольствие для спецназа.

— Мне на улице спецназ засветил ногою в глаз, и теперь в кромешной тьме с фонарём не страшно мне!

— Из интернета скачал частушку?

— Обижаешь: экспромт!

— А я всегда знала, что ты — поэт!

Да какой я к чертям поэт?! Временами балуюсь от скуки рифмовкой, но это — далеко не поэзия.

— Да какой я, Мальвин, поэт?! Но как каждый интеллигент, я вполне могу в любое время замечательный глагол «пить» усилить восхитительным глаголом — «любить».

Подтекст, по-моему, получился что надо!

Мальвина тихо вздохнула. Так тихо, что никто бы и не заметил, но у меня на эти дела глаз намётан.

— Чай пить больше не будешь?

— Спасибо, нет.

— А когда мы перейдём ко второму глаголу?

Ты гляди, как всё повернулось! Что-то я перед таким зигзагом жизни оказался без малейшего намёка на контратаку.

— А можно ещё ватрушки?

Лена улыбнулась открыто и понимающе: глухую оборону сломать непросто, но это лишь дело времени.

На радость осаждённого загудел радиотелефон.

— Алло! Привет! Подожди немного! — сказала Лена в трубку и — мне: — Извини, я выйду поговорить.

Мальвина вышла, а я взглянул на часы. Время не стояло на месте, и мне пора было сматываться. Конечно, я уже больше не буду спрашивать Травину, кто её обидел и какая роль отведена мне в её спасении. И так всё ясно. И я согласен её спасти. Нет, тут надо брать круче — я желаю её спасти! Но время! Это чёртово время просто не оставляет мне достойного выхода — хоть в стакане с чаем топись! Одна надежда на импровиз.

Мальвина вернулась скоро. В кимоно. А уходила из кухни в платье. Очень даже симпатичное кимоно. Но! Япона мама, под цветной тряпицей не было ничего! Я заштопорил в стену взор. Мне не надо смотреть на женщину, чтоб увидеть, что у неё под верхним одеянием нет белья — я такие вещи не вижу, а чувствую. У Мальвины под кимоно белья не было, там на данный момент находилось только голое шикарное тело. Нечего сказать — ситуэйшен: моя дама ударила меня ниже пояса!

— Подруга звонила. Её не переболтать. Я сказала, что меня ждёт такси. Шеф, мы едем или не едем?

Я поперхнулся воздухом.

— Стоп, Мальвина! Стоп, стоп, стоп! Не говори ничего сейчас! Я очень тебя прошу! Позволь, я скажу в открытую. Мы оба знаем, что должно между нами произойти.

— Подожди!

— Нет, милая! Не я «подожди», а — ты! Пожалуйста! Мы оба знаем, что ЭТО должно случиться. Мы стремимся к ЭТОМУ, и ЭТО произойдёт! Я не буду просить у тебя прощения, но сейчас я спешу. Куда и зачем — не важно. Мне, действительно, очень надо! Но я к тебе обязательно вернусь, и вернусь очень скоро. Верь мне, Мальвина!

Я свободно выкрутил из стены взор и взглянул Мальвине в глаза: Мальвина мне верила! Верила, но страдала. Страдала, но уже жила ожиданием скорой встречи.

Я встал из-за стола, шагнул к милой женщине, по-домашнему отогнул запах кимоно и по очереди поцеловал встревоженные соски. Два длинных поцелуя и дважды два — быстро. Точка — тире, точка — тире. Потом я прижал Мальвину к себе и поцеловал долго в губы. Так долго, что даже чуточку испугался: не задохнулась бы!

Я уже выходил на лестничную площадку, а Мальвина всё ещё не могла отдышаться. Ха: и мы умеем, если хотим!

— Пока, любимая!

— Пока-пока!

И тут она двумя рывками распахнула и запахнула полы кимоно. Мама родная, я убит! Погиб поэт, невольник чести! Трата-трата-трата...

Я угрожающе поднял лапы и шёпотом зарычал на весь белый свет:

— Я сожру тебя, дорогая!

— Приятного аппетита!

Не дожидаясь прихода лифта, я кубарем (опять какой-то поблэкший штамп!) скатился по лестнице и пробкой (ну всё — заклинило!) вылетел из подъезда. Солнце заговор-

щиком подмигнуло мне с высоты. Перебьёшься, моё любезное! Прохожие мужского пола с нарочитым безразличием шагали по своим мужицким делам, но я-то видел, что они в любой момент готовы оказать мне свою посильную половую помощь. Ещё чего: обойдёмся как-нибудь без помощников! Я сел в машину.

— Не ревнуй, Роднуля! Это совсем не то, что у нас с тобой.

Роднуля капризно фыркнула и шагом тронулась с места.

Лоран-2

До гостиницы от дома Мальвины было всего два шага. Ну, пять-шесть. Ну, больше, больше, но всё равно где-то рядом. Так что через семь секунд я уже входил в холл гостиницы. Вести себя в таких приличных общагах нужно не абы как, а так, как надо конкретно. У них там посторонних к постояльцам пускают лишь по слёзным мольбам гостей и по великому снисхождению ответственных за порядок. Возможно, это и правильно. Возможно. Но если некогда канючить у стойки и ждать от надзора милости, тогда как быть? Вот тут-то и необходимы человеку навыки особой ходьбы и специфического общения с тружениками гостиницы. Мне эта наука знакома, и в холле я даже не тормознул. Деловито прошёл мимо администратора и сделал приветливо даме ручкой. Администратор с готовностью распрямилась и ответно мне помахала. Всё это не могли не видеть два одушевлённых шкафа, стоящих до последней капли крови у дверей лифта. На шкафах были бирки — «Охранное агентство “Nord-Ost”».

— Вы куда? — спросил меня один из шкафов, намекая на то, что я должен показать ему карточку гостя.

— Тащить из брифинга верблюда! — отрезал я, делая ударение в слове «верблюда» на последнем слог.

— Не положено! — подключился к разговору второй габаритный шкаф.

Я презрительно посмотрел на мебель, поморщился и высокомерно оттопырил губу.

— Не положено грубить ведущему акционеру фирмы «Nord-Ost»! Но если вам вдруг надоело у нас трудиться, то я в один момент устрою вам такие рекомандаловки, с которыми вас никогда не примут на работу даже на охрану совершенно бесплатного туалета! Вопросы есть?

— Не признали! Простите!

Не признали — и славненько! Не больно мне и хотелось! Я вошёл в лифт и нажал четвёртый этаж.

Напрасно, кстати, у нас все думают, что в охране служат только дубы, осины и баобабы. Этот имидж им любезно состряпала дебильная эстрада и прикольные СМИ. А на самом деле, там пахнут очень разные люди. Лично я давно знаком с одним чистокровным секьюрити, который известен всем читающим как автор редких, но читабельных детективов. Фамилию писателя называть не буду, оставлю конкретику для биографов. Тут важен факт. А дубья хватает везде. И то, что мы порой встречаем в жизни молчаливых охранников, так это от них требуется по службе. Пардон, пардон за ремарку!

Я прервал сам себя на том, что зайцем ехал в лифте к моей Лоран.

Лоран меня уже поджидала.

— Поехали, поехали, поехали! — после поцелуя выстрелил я.

— Поехали, поехали, поехали! — ответила мне очередью Лоран.

Мы спустились вниз, прошли мимо застывших в почтении часовых, сели в авто и помчались на приём к Эдику Глазовскому, большому доке по женским органам.

В приёмной мы были в 14.48. Прошли и сели в жёсткие, но удобные кресла. Наверное, мягкая мебель в приёмной гинеколога просто исключена. Ну, не знаю. Лично я вообще впервые пришёл к такому специалисту. Между прочим, к Эдику мы пришли не одни. Тут уже сидели дамы в возрасте от пятнадцати до очень преклонных лет. Но меня и Лоран эта очередь не интересовала ни капельки: у нас была своя проблема, и нам было назначено на 15.00. Не раньше. Но и не позже.

— Молодой человек! — обратилась ко мне очень крашенная блондинка. — А почему вы не спрашиваете, кто тут последняя.

— Извините, леди! А кто тут у вас последняя?

— Я! — с готовностью информировала блондинка, давая нам понять, что теперь мы должны записать эту информацию на своих ладошках и держаться строго-настрога за её спиной.

— Искренне соболезную! Но не всем же быть первыми! — горестно вздохнул я и скорбно положил подбородок на узел галстука.

— Тых-пых-дых-гых! — негодуяще запыхтела блондинка, беспомощно замахав руками.

— Молодой человек! Скажите, пожалуйста, а вы с каким заболеванием пришли к гинекологу? — поспешила на помощь блондинке другая дама.

Флюиды агрессии и ехидства буквально окатили меня с головы до пят.

— С венерическим, мадам, с венерическим.

— Сифилитик!

— Ну что вы, что вы — я на мелочи не размениваюсь. Меня ниже СПИДа ничто не интересует! Позвольте вашу ручку поцеловать!

Я сделал лёгкое движение, словно собираюсь покинуть кресло. Дама пронзительно завизжала. Блондинка схватилась за голову. Очередь от пенсии до пятнадцати приготовилась разбежаться. Лоран неудержимо захохотала.

Дверь кабинета торжественно распахнулась, и в приёмную царственно выплыла медсестра.

— Что случилось, дамы? Что за шум?

— Да вот, тут мужчина!

— Ни за что не поверю, что вы видите живого мужчину первый раз в жизни! Сохраняйте, дамы, порядок! Господин Македонский с дамой, пройдите к Эдуарду Аркадьевичу!

Мы с Лоран поднялись и протопали в кабинет. Уже на входе я услышал затылком, как очередь дорвалась до свободы слова.

— Так этот хам к тому же и Македонский!

— Да не Македонский это, а хан Батый!

— Не хан Батый, а хам Наполеон из шестой палаты!

— Педик!

— Шмедик!

— Спидик!

— Урод какой-то!

— Не урод, а очень даже симпатичный мужчина!

— И милый очень!

— И остроумный!

— Сама кикимора!

И так иногда бывает: сначала я вызываю у некоторых женщин приступ морской болезни, но потом они ко мне проникаются симпатией, а некоторые из них с готовностью отдаются. Мне бы запустить Лоран в кабинет, а самому остаться, чтобы послушать о себе приятности, но — увы! Горшочек моей милой Лоран никогда не стоял в детском комбинате рядом с горшочком Эдика. Следовательно, моё место там — за дверью, в бурке, на лихом коне, у пыточного агрегата, до боли знакомого всей прекрасной половине всего не менее прогрессивного человечества!

— Здгавствуйте, господин Македонский! Какие у вас пгобъемы? Не познакомите меня со своей очаговательной спутницей? — встал навстречу нам гинеколог Глазовский.

— Bonjour! — поздоровалась изящно Лоран.

— Привет-привет, а выпить нет? — простолюдином приветствовал я Эдку Глазовского, чертяку и хитрована. — И не надо, Эдик, ломать язык! Мы тебе и так верим, что твой папа потомственный инженер, а мама — логопед в сорок пятом правом колене. А ещё мы верим, что родственников за границей у тебя навалом, а сам ты легко общаешься на иврите и идиш.

— Пгостите, пги чём тут мои годители?

— Совсем ни при чём, ты сам таким уродился. Завязывай, Эдуард!

— Завязал, Лександер. Итак, если я правильно понял, мадмуазель, этот варвар хочет учинить вам аборт? Вы не передумали?

— Нет, всё остаётся в силе.

— Прекрасно! Тогда приступим. Побрились?

— А что, не видно? — похлопал я себя по блестящим щекам.

— Мужчина, не с тобой разговаривают! Но если у тебя есть желание ассистировать мне в процессе детоубийства, то это обойдётся тебе дороже!

— Вот барыга!

— Выйди вон, нахал!

— Ладно. Припрёшься ты ещё ко мне на чашечку коньяка, я тоже тебя попру! — пригрозил я распоясавшемуся Глазовскому, чтобы он не думал, что последнее слово в его епархии должно оставаться всегда за ним.

Я вышел из кабинета, оставив тихую Лоран на растерзание специалиста очень узкого профиля, и хмуρο плюхнулся в кресло.

— Ну что? Жить-то хоть будете, господин хороший? — надеясь на то, что меня минует такой исход, поинтересовалась крашенная блондинка.

— Буду! Но, простите, не с каждой! — осадил я ретивую даму и надолго погрузился в пучину собственных мыслей. Мне было о чём подумать, да и воспоминаний на этот час накопилось вполне достаточно.

Помните, когда я устраивал Лоран в гостиницу, то обмолвился, что номер её номера равнялся в сумме восьми, и это число является для меня заветным? Не уверен, что мне надо это рассказывать, но уж коли я что-нибудь кому-нибудь обещал, то непременно выплесну это из лохани своей кипящей души, не считаясь ни с какими потерями.

Цифра «восемь» ассоциируется у меня с восьмым классом, и теперь любая дохленькая восьмёрка напоминает мне о самом главном событии всей новейшей истории — в восьмом классе я стал мужчиной!

После того, как Лоран своими ласками под столом довела меня до медпункта, она резко сбавила обороты и в школе меня больше не изводила. Наши отношения перешли на более взрослый уровень.

Все мальчишки влюбляются в одноклассниц. Седьмой-восьмой классы — самый пик первой юношеской влюблённости. Но, как правило, всё тут концентрируется на дежурном провожании из школы, платонических ночных страданиях, горестных вздохах во след, записках типа «Ты меня лю... или не лю...» и невинных касаниях пересохшими губами лица подруги. Дальше этого в вышеназванных влюбчивых классах дело ни у кого не идёт. Конечно, всегда есть в коллективе несколько продвинутых пацанов, которые уже избавились от ненужной девственности, и они не прочь похвастаться перед аудиторией своими половыми свершениями, но это совсем не то. Как правило, первый трах (я не говорю — первый опыт, так как, во-первых, секс как таковой не имеет ничего общего с лабораторной по химии, а во-вторых, ну какой там опыт — с одного-то замаха?) у них случался в антисанитарных условиях с развратными малолетками или в постыдных играх с немолодыми матронами, для которых свежати́на зачастую вкуснее жеребцовой сборной по баскетболу. А у нас с Лоран всё было совсем иначе.

У нас с Лоран всё было удивительно и прекрасно!

О том, что я по уши влюблён в изящную француженку, знал весь мир и его окрестности. Уточню сразу: говоря «мир», я подразумеваю элитарную школу. А дома и во дворе о моей любви к Лоран никто никогда не слышал. И о самой Лоран никто ничего не знал. Никто из нашего двора даже близко не подходил к той школе, где я учился. Откуда им было знать о моих терзаниях? Во дворе я был для всех испокон веков непробиваемым и железобетонным по части любовных нюнь и тихих вздохов на скамейке в беседке. Так сказать, я был реальным Александром Македонским, покорителем соседних дворов и улиц, входящих в сферу моих жизненных интересов. Я просто был не вправе пасть в глазах дворовой общественности от разящей стрелы Амура. А вот в школе о нас с Лоран знали все. Даже стены. Точнее, одна стена, но ни для кого не секрет, что у стен есть глаза и уши. А если у них есть эти органы, то стены наверняка общаются между собой на своём вертикальном уровне. И тут я сам виноват в утечке стратегической информации. Однажды нечистая дёрнула меня за руку, и я выцарапал перочинным ножом на стене под лестницей «Я тебя люблю!» Смешно сказать, но когда я два года тому назад явился на вечер выпускников, заглянул под лестницу и увидел, что признание не закрашено, горячая волна нежности к минувшему накатила на меня до неожиданного кома в горле. Слава столичным малярам, хранителям любовных юношеских признаний!

Не думаю, что Лоран была влюблена в меня такой же любовью, какую я носил в себе каждый день. Несмотря на то, что она была не человеком, а комплексом сплошных импульсов, рассудочности в ней хватало с избытком. Таких натур встречать мне больше не приходилось. И я не мог рассчитывать на её всепоглощающую (не нравится термин «всепоглощающая», подскажите другое слово) любовь ко мне, но я-то её любил, и всё остальное становилось неважным и малозначимым.

Та пятница ничем не отличалась от остальных: литература, математика, физика и сдвоенная пародия на предтечу спортивных подвигов. На физре играли в настольный теннис — в одиночном, в парном и в смешанном исполнении. В смешанном я всегда выходил с Лоран. Пинг-понг, пинг-понг. «Не давай ты ему направо!» — «Подкручивай!» — «Отходи! Да отходи же ты сразу в сторону!» Пинг-понг. «Ну что — поймали бабочку? Ловите ещё!» Пинг-понг. «Ты сегодня чем после школы занят?» — «Любовью» — «С кем?» — «Не с кем, а — к кому?» — «Ну, к кому?» — «К тебе, моя дорогая! Да отходи же ты сразу в сторону! Подкрутила и отходи! Не стой передо мной Триумфальной аркой!» — «Да отхожу я, ты сам зеваешь!» Пинг-понг. «А почему ты спросила про после школы?» — «Хочу одно дельце с тобой обстрипать?» — «Мебель от соседей перетащить?» — «Типа этого» — «Это мы запросто! Переход подачи. Гаши шар сразу: Наташка сегодня — сплошная дырка!» Пинг-

понг. Щёлк — аут! «Ну, что же ты!» — «Да ладно! Короче, после школы идём ко мне» — «Хоккей!»

В пятницу весь класс после школы намылился на Горбушку — за дисками, кассетами и просто подышать толчеёй (у нас так сложилось — в последний день трудовой недели тусоваться в гуще электората), а мы с Лоран отправились к ней домой. Квартирка у Лоран способна впечатлить даже пробку, но меня она ничуть не шокировала. Да, шикарно! Да, с претензией и со вкусом! Да, такую увидишь не в каждом мультике! А какой она ещё должна быть, если отец Лоран — парижская шишка в тылу Москвы? И маман не последний всполох в сверкающем мире раскрученного кутюра! Нормальная квартира, если трезво смотреть на вещи. Именно в таких фатерах и должны жить люди в эпоху виртуального бытия. Обычно мы с Лоран торчали насмерть в её каморке, куда тактичные предки входили только со стуком дятлов. Впрочем, нас они тревожили очень редко. К столу позовут или вкусного на подносе притащат, а так мы были полностью предоставлены своим молодым эмоциям с поправкой на здравый (?) смысл. Целовались, конечно, до посинения. До дрожи в позвоночных мозгах изучали тела друг друга. До седьмого пота ласкали вышеуказанные тела. Короче, всё, как у всех, в том самом познавательном возрасте. Но нейтральную полосу между «хочется» и «пока не надо» мы не переступали вполне сознательно. Я — не знаю сам почему. Лоран — согласно стратегии. Но так всё было до этой знаменательной пятницы.

Войдя в берлогу Лоран, я всем своим существом почувствовал, что что-то непременно произойдёт.

— Лоран, а где предки?

— Соскучился?

— Ну, типа не очень.

— Папа (ударение на последнем «па») сегодня допоздна на приёме, а маман умчалась утром в Париж.

— А София?

Конечно, все эти вспышки идиотской рекламы про домработниц могли родиться только не в очень здоровом обществе, но куда же без домработниц, если это необходимо?

— Её отпустили до понедельника.

— Значит, мы одни? — почесал я затылок.

— Значит! — засмеялась Лоран.

— И чем мы с тобой займёмся?

— Будем распивать кофе и другие тонизирующие напитки.

Мы прошли на кухню. Обычно данная семья московских парижан трапезничает в столовой, но нам с Лоран и на кухне было вполне нормально. Лоран сварила кофе и метнула на стол конфеты.

— Сухарика? — утвердительно спросила она и, не дожидаясь ответа, достала из бара бутылку вина (не «Агдам», естественно, со станции Москва-сортировочная на девятнадцать одуряющих оборотов) и два бокала.

— Лоранчик, я же опьянею в один момент!

Терпеть не могу, когда бравируют алкогольной стойкостью! «Сначала мы приняли на грудь по пятьсот без закуси, потом ещё литруху на четверых, потом Серёга отрубился, а мы у Маньки раздавили на троих пузырьёк с довеском, потом покрыли всё это брагой, потом я выпросил у Клавки духи, а потом я уже не помню, как попал в вытрезвилку!» Мол, вот какой я герой! Терпеть таких ненавижу!

— А кто тебя заставляет пьянеть? Мне ты пьяным не нужен! А от глотка хорошего вина с тобой ничего не будет.

Я ещё даже не пригубил, а кровь уже забурлила внутри меня и покрыла краской лицо.

— А что ты так покраснел? О чём ты таком подумал? Ну-ка, ну-ка, давай рассказывай!

Лоран занялась моей персоной вплотную, и все мои «Да чё ты! Чё? Да ничё я не думал!» отлетали от неё, как горох от стенки. Лоран схватила меня за руку и потащила чуть не волоком в свою комнату. Там она повалила меня на бескрайнюю кровать и продолжила своё инквизиторское дознание. И вот тут-то всё и случилось! Допрос с пристрастием трансформировался в поцелуи и ласки, одежды привычно легли на ковёр, и я впервые в жизни...

Стоп! Стоп! Стоп! Дети до шестнадцати допущены или нет? И если они торчками торчат поблизости, закройте им скорее глаза и уши: негоже как-то акселератам наблюдать за тем, чем занимаются два взрослых человека в свои неполные пятнадцать годов!

Да ладно, что там — скажу в открытую: было так здорово, так всё нежно, трепетно и естественно, что это просто не передать словами!

И я стал мужчиной! Спасибо женщине!

Вот на самом деле, что такое для меня была, есть и будет моя Лоран!

А сейчас я сижу в приёмной у гинеколога и тупо жду, когда мне кто-то чего-то скажет.

— Господин Македонский, вас ждёт Эдуард Аркадьевич! — медсестра исчезла в кабинете, оставив дверь приоткрытой.

— А где пациентка? — спросил я Эдика, видя, что Лоран в кабинете нет.

— Утром — «бабки», вечером — женщина! Вечером — «бабки»...

— Тебе бы, Эдик, рэкетиром работать! Вот, тут, как договаривались, — протянул я конверт Глазовскому. — Где Лоран?

— В комнате отдыха. Пройди на улицу через эту дверь и подгони свою тачку к выходу. Не хочу, чтобы толпа на неё глазела. Сам понимаешь.

— Угу.

Я подогнал машину к запасному выходу, сказал Эдику большое мерси, бережно усадил Лоран в Роднулю, доставил её до койки, кое-что приготовил по её просьбе, был изгнан до утра и с трудом добрался до дома. Таких плотных на события вторников у меня, наверное, ещё не бывало.

Лоран и Ген Геныч

Напрасно я думал, что плотный вторник для меня завершился. В сутках оставались ещё неистраченные часы, и что-то в моей жизни неуклонно продолжало происходить.

Припёрся Галкин Сергей. Ну — муж моей Галки. Я открыл дверь, но в прихожую несчастного не пустил.

— Македонский, гад такой, я звонил тебе днём раз двадцать: нету у тебя никакого автоответчика!

— Точно, теперь уже нет. Домушники увели! Вот только сегодня ночью. Всю мебель и технику вынесли через форточку.

— Серьёзно, что ли? А ты где был?

— А я как обычно был у любимой женщины. Мы с нею обручены, и мне семь раз в неделю приходится удовлетворять её сексуальные притязания.

— Серьёзно, что ли? А как же Галка?

— Какая галка? Не держу я у себя ни птиц, ни животных — за ними нужен уход, а я дома практически не бываю. Постой, Серёга, не ты ли это навёл домушников на мою фатеру? Что-то ты зачастил ко мне в последнее время! Да — ты же, ты! И как я сразу не догадался?!

— Ты что, debil! Какие ещё домушники! Я Галку свою у тебя ищу!

— Это я — debil?! А ты знаешь, что по новому закону за оскорбление моего достоинства я могу тебя сейчас пристрелить, и мне ничего не будет?

— А у тебя разве вору ружьё не вынесли?

— Не вынесли. Оставили для отстрела лосей, оленей и прочей рогатой живности.

— Да я тебе морду сейчас набью!

— Фи! Какая бестактность!

И тут прибывает на лифте Галка. Собственной персоной. И вовремя!

— Ты где это, милый, шляешься?! Я тебя тут по всему дому ищу, а ты тут с этим мужиком торчишь! С этим алкоголиком! Соображаете, что ли?! Мне всё про вас уже рассказали! А ну-ка, немедленно прочь отсюда! Ну, я тебе дома устрою за пайку трёпку! Ну, ты у меня нарвался!

— Ну что ты, Галка, на самом деле? Да Шурик классный мужик! И совсем непьющий. Говорят, он по компьютерам на лету секёт. Вот я и зашёл кое-что спросить.

— Знаю я твои компьютеры: пивка для рывка, а там — как получится! Ступай впереди меня, иначе я тебя размажу по всей площадке!

Семейная чета удалилась, а я заржал табуном мустангов. Ай да Галка! Чуть-чуть не нарвалась на провал, но сама прижала Серёгу к стенке!

Поздно вечером позвонил Ген Геныч.

— Извините, Александр, за поздний звонок! Ну, как там завершилось ваше дело с Лоран? Всё нормально, надеюсь?

— Мерси, Геннадий Геннадьевич! Всё путём.

— Извините, а когда Лоран улетает?

— Так утром и улетает.

— Александр, не поймите меня неправильно, я не знаю, как вам это всё объяснить, но мне очень хочется познакомиться с вашей дамой!

— Я всё всегда понимаю правильно.

— Александр, простите, но я действительно хочу увидеть вашу Лоран!

— А я тут при чём?

— А хотите, я завтра отвезу вас в аэропорт на своей машине?

— На шестисотом?

— На лимузине.

— Геннадий Геннадьевич, тебя интересует моё мнение по этому поводу?

— Конечно, интересуется!

— Так вот, я сплю и вижу, как мой шеф работает у меня персональным водилой! Честное-пречестное пионерско-бойскаутское! Жду тебя, Геннадий Геннадьевич, завтра в 8.00 у моего подъезда! Адресок запиши.

— Адресок мне известен. Спасибо, Александр! Завтра буду как штык!

Ну — дела! Такого я не ви-де-ла!

Я даже не пытался осмыслить и разложить по полочкам звонок Ген Геныча. Кажется, от столкновения с уходящим днём у меня куда-то сгнуло логическое мышление. Да и абстрактное восприятие событий и фактов тоже затерялось в дебрях утомлённых извилин. Осмысливать будем после, а сейчас надо сотворить для истории что-нибудь эпохальное.

Я открыл банку пива, понюхал и убрал её в холодильник — нет, не то!

Взял лентяйку и полистал многотомник ТВ. Опять не то: уж слишком это обыденно!

Я вышел на лоджию. Вокруг меня фрагментами копошилась ночная жизнь. Внизу, у кривой шеренги торговых минимаркетов, маячили маленькие людишки. Маленькие машинки куда-то мчались по своим никчёмным делам. Маленькие звёзды слепо шурились с высоты. В глубине небольшого космоса закричала от страсти женщина. Я прикинул, что стою над всем миром глыбой и могу покончить с ним одним махом — стоит только перекинуть тело через перила. Фу-ты ну-ты: дурость какая-то! Ведь не то же, совсем не то!

Я прошёл в комнату, выключил свет и, не раздеваясь, рухнул на простыню. А вот это — в самую точку! Йес! История должна отметить моё свершение! Если заметит моё присутствие на Земле.

Среда поставила меня на ноги задолго до приезда Ген Геныча.

Встал. Разделся. Принял душ. Оделся. Поел, попил. Навёл мужской марафет. Решил пару шахматных ребусов. Разгадал пустяшный сканворд. Родил гениальный стих: «Жизнь закручена в спираль вихрем турбулентности. Прощевай, моя печаль — плод эквивалентности!» Тихо посмеялся в кулак на это вопиющее безобразие. Н-да, тормоза ещё держали меня на месте!

Звонок Ген Геныча застал меня при полном параде.

— Александр, здравствуйте! Подъезжаю. Через три минуты буду у дома.

— Здравствуй, Геннадий Геннадьевич! Выхожу.

Интересно: как он без пристрелки может знать, сколько до меня ехать от какого-то пункта следования? Очень интересно, чёрт меня подери!

Я бросил в рот сигарету и вылетел из квартиры.

— Здравствуйте, Александр! — вылезая из бесконечного лимузина, ещё раз поздоровался мой одноразовый персональный шофёр.

— Уже здоровались! — буркнул я, машинально пожимая протянутую водителем руку.

Распоясалась прислуга вконец! Руки распускает с утра пораньше! Про отчество даже не упоминает! На лимузинах раскатывает, как на ношенных «Жигулях»! А нужны ли нам такие отпрыжки торжествующей демократии?!

Я гордо вошёл в машину и изо всех сил расправил плечи шире ширины плеч: свободного места в недрах лимузина оставалось ещё достаточно. Ген Геныч понимающе усмехнулся.

— Не жмёт, не тянет?

— Как раз — в самый раз!

— Куда ехать, босс?

— Ехай прямо! Потом скажу, — распорядился я, внутренне наслаждаясь вкусом словечка «ехай!».

По дороге мы почти не разговаривали. Каждый думал о своём, но, скорей всего, об одной и той же — о Лоран.

О, Лоран! Сколько радости она мне подарила по ходу жизни! Сколько полноценного секса у нас с ней было! Сколько новых позиций мы с нею изобрели! Сколько неофициальных рекордов побили мы в своё полное удовольствие! И почему бы Книге рекордов Гиннеса не посвятить нам хотя бы сотню страниц? Так где ж она — справедливость?

Впрочем, о наградах мы с Лоран никогда не думали. Мы, как истинные герои, беззаветно венчали сексом свою любовь. Пусть даже не обоюдоострую любовь по всем законным параметрам, а то непреодолимое влечение (но я-то её любил), которое магнитами притягивало нас друг к другу. И в этом притяжении рождались такие мыслимые и не-

мыслимые варианты интимного торжества, что даже сейчас одно воспоминание о них воспринимается мною явю. И тут мне, право слово, есть о чём рассказать.

Ахтунг, ахтунг! Онанисты и дамы той же ориентации, приготовьте свои подручные органы: сейчас я плюну на остатки стыдливости и расскажу вам кое-что со всеми подробностями! Вы уже готовы к оргазму? Ну, слушайте...

— Какие органы? — бесцеремонно спросил Ген Геныч.

Уя-уя: я, кажется, уже рассуждаю вслух!

— Какие органы? — удивился я.

— Какие подручные органы? — более конкретно спросил Ген Геныч.

— Какие подручные органы? — более конкретно переспросил я.

— Александр!

— Водитель!

— Намёк понял!

— Но претензий!

— Едем дальше?

— Не возражаю.

— Уже приехали.

У парадных дверей гостиницы Ген Геныч осадил фантастическое создание и трижды выдавил из клаксона нетерпеливый призывный клич. Потом он выскочил из авто, обещал конечность машины и открыл дверцу. Я скромно вышел из лимузина. Не Алла Борисовна с очередным фаворитом, не Филипп с кордебалетом наперевес, не презервативный магнат с продукцией, не лидер партии сексуальных меньшинств с любимым секретарём, а просто — Македонский с чувством собственного достоинства.

Толпа служаек гостиничного сервиса уже успела вылиться на улицу, чтобы подобоюще встретить моё явление. Почти знакомая администратор приветливо помахала рукой. Новые, но похожие на старых, шкафы взяли под козырёк своих коротко стриженных черепов. Случайные зеваки взирали на событие изо всех зевательских сил. За спиной толпы мелькнула Лоран.

— Которая тут Лоран? — шёпотом спросил Ген Геныч.

— В сиреневом.

— Поберегись! Освободите дорогу! Поберегись! Освободите проход! — без крика, но убедительно разрезал толпу Ген Геныч.

Я шествовал на полплеча сзади шефа.

Лоран уже врубилась в комедию и разразилась длинной французской бранью. Суть её сводилась к тому, что она до глубины души возмущена тем, что к ступенькам не подали самолёт.

— Карета подана! — информировал я сиятельную Лоран и преклонил перед ней колени согласно какому-то парижскому этикету.

— Ну что же вы для своей леди президентский номер не заказали? — изумилась сбоку администратор.

— Её превосходительство здесь инкогнито, — объяснил я даме ситуацию и дал ей сто долларов. За приятность. Гулять так гулять!

— Милая, ты как себя чувствуешь? — спросил я Лоран в машине.

— Да всё нормально, Сашок!

— А — там?

— И там всё нормально. Благодарю за заботу обо мне и о том, как — там! Не волнуйся, ещё проверишь!

Вот и ладненько! Надежда встретила понимание!

По Москве катили с комфортом. Дорожные пробки, увидев нас, пугливо разбегались в разные стороны. Инспекторы ГАИ с готовностью отдавали нам последнюю честь. Лоран в глубине салона прижалась к моему крутому плечу и счастливо щебетала обо всём на свете. Господи, да много ли надо женщине, чтобы она была по-настоящему счастлива на этой хмурой планете? Совсем немного — надо, чтобы у неё было всё! И даже — немного больше. Плюс удачно выполненный аборт.

Когда Ген Геныч свернул с МКАД на трассу в аэропорт, я по внутренней связи велел ему тормознуть.

— В чём дело? — спросила Лоран, когда я помог ей выбраться из авто.

— Что случилось, хозяин? — спросил Ген Геныч, выходя на свет божий без моей помощи.

— Дама и господин, позвольте вас познакомить! Лоран, перед тобою — генеральный директор моей, то есть его фирмы Геннадий Геннадьевич. Так сказать, мой босс. Очень чуткий руководитель и необычайно отзывчивый человек! Прошу любить и жаловать!

Лоран с интересом посмотрела на необычайно отзывчивого человека, который какое-то время прикидывался моим личным водителем. Она уже знала от меня о нём немало хорошего. И, честное слово, мне бы очень хотелось посмотреть на тех трудящихся клерков, которые о своём начальстве отзываются за глаза в столь светлых тонах!

— Уважаемый Геннадий Геннадьевич! — продолжил знакомство я. — Перед тобою сейчас стоит, если ты ещё это не осознал, самая замечательная и непредсказуемая женщина не только Франции, России и планеты Земля, а и всей остальной Галактики! Прошу жаловать и любить, если ты ещё способен на это чувство!

Ген Геныч упёрся взглядом в асфальт.

— Учти, Лоран, это босс умолил меня познакомить его с тобою, так что я тут совершенно не виноват. Я сам не понимаю, как всё сложилось? Думаю, вы во всём разберётесь сами. Садись, Ген Геныч, в салон к Лоран, а я поведу машину. Прошу меня за это очень любить и жаловать в конце пути очень щедрые чаевые! Всё: по коням! Самолёты ждать не умеют.

Лимузин меня слушался безупречно. Километры летели, как прожитые деньки. Одно беспокоило: а что на это скажет Роднуля? Она сразу чувствует, когда я с кем-то ей изменяю.

Кстати, об изменах.

За моей спиной назревала очередная измена. Хотя о чём это я? Мы с Лоран не были повязаны никакими моральными обязательствами, и в один прекрасный момент нашей близости мы дали друг другу «зелёный свет» в сексуальном передвижении. Случилось это, когда Лоран после школы окончательно осела в Париже, чтобы получить там высшее образование, которым не пренебрегают в Европе. А потом она ударилась в танцы, и ей пока это нравится. Конечно, я порой тосковал по её упругому и искусному телу, но как можно хоронить под пятой разлуки свою неуёмную тягу к женщинам? Жизнь не монастырь, и её нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно. И уж коли я сам был отнюдь не иноком, то от Лоран тем более нельзя было ожидать приступов безумного воздержания. Да я на это и не рассчитывал. А Лоран однажды преподнесла мне в плане секса неординарный подарок: она притащила в Москву свою яркую парижскую сослуживицу и насильно уложила меня с нею в постель. Это было нечто! И я до сих пор доволен, что во всём тогда оказался на высоте!

Да ни о каких изменах со стороны Лоран не может быть даже речи! У меня тут свои интрижки и удовольствия, у неё — свои. И я вовсе не уверен, что вчера она лишила жизни моё создание. Точнее, я стопроцентно уверен в том, что к данному зачатию не имею ни

малейшего отношения! И то, что Лоран прилетела делать аборт в Москву, лишнее тому подтверждение. Есть несколько объяснений такому шагу со стороны Лоран, но мусолить причины — удовольствие ниже среднего, граничащее с занудством. Главное — я нужен моей Лоран и изредка хоть в чём-то ей помогаю.

В Шереметьево мы прикатили вовремя. Уже шла регистрация на рейс, и скоро наступила пора прощания.

Какие проблемы обсуждали по дороге Лоран с Ген Генычем, знают только они. Захотят — расскажут, не захотят — в «испанские сапоги» обувать не стану. Но я видел, что их общение оказалось столь плодотворным, что Ген Геныч уже не скрывал ни от кого свой влюблённый взгляд, а Лоран не отвергала его влюблённости. Да какая, скажите, женщина способна найти в себе силы, чтобы отказаться от ещё одной, отнюдь не лишней, любви?!

Я смотрел на Лоран, и сердечко грустно сжималось: ну, почему всё на свете всегда кончается? Даже кратковременные визиты.

— Мальчишки, давайте прощаться! — вздохнула Лоран.

Я обнял и поцеловал её долгим, продолжительным поцелуем. Без аплодисментов, переходящих в овации. «Хочу тебя!» — шепнул я Лоран на ушко. «И — я!» — «Раз пять!» — «И я, и я, и я, и я, и я, и я!» — поддержала Лоран мои неосуществимые на этот момент желания. «Ну, ты знаешь, как меня найти. Найди, если что!» — «Найду. Обязательно!» Лоран поцеловала меня и шагнула к Ген Генычу. Их прощальный поцелуй был проще, но он всё же был.

Мальвина-3

— Македонский, я ничем тебя не обидел? — спросил меня Ген Геныч сразу, как только Лоран преодолела таможню.

О, это что-то новенькое: босс перешёл на «ты»!

— Ген Геныч, я не вижу повода для обиды, и всё-таки держись от меня подальше! — ответно перешёл я с Геннадия Геннадьевича на Ген Геныча.

— А то — что? Закажешь, что ли?

— На заказанных воду возят!

— Водички, сэр, не желаете?

— Желаю! Но с тоником. А можно и коньячку.

— С тоником?

— С дальтоником!

— Заказ принят! Извольте в тачку!

— Смело сяду с боссом в тачку, там мы выпьем водокачку! — хотел оставить я за собой последнее слово.

— Сяду с Сашей в лимузин, будем нюхать там бензин! — накрыл меня сверху босс.

Нет, определённо, Ген Геныч — наш человек!

Мы забрались в салон и слегка прошлись по сусекам бара. За отлёт Лоран. За улёт по жизни. За дружбу между народами. Ну, мне-то — можно, а Ген Геныч же за рулём.

— Ген Геныч, гаишников не боишься?

— Танки грязи не боятся!

— Ты куда сейчас — в Контору?

— А куда же ещё?

— Найдём куда. Например, по бабам.

— Ну ты и Шурик!

— Сам ты — Шурик!

— Я — Ген Геныч!

— И я — Ген Геныч!

— Уважаю пьяные разговоры!

— Аналогично!

— Тогда — поехали!

— Покатили!

Мы перебрались в кабину авиалайнера, разбежались, оторвались от взлётной полосы и стремительно полетели в Moskau. Жаль, автопилот сегодня в загуле: а то бы был третьим.

— Александр, я слышал, что кто-то имеет мнение, что он в моей Конторе ничего не делает и получает слишком большие бабки. А ты как думаешь?

— Я, что ли?

— А кто ж ещё?

— Убивать таких мыслителей надо! Без суда и следствия.

— Очень ценная мысль! Погнали дальше.

Отличный камушек закинут боссом в мой огород! Хороши заявочки! Да я же никогда ничего такого не говорил. Тем более, в офисе. Тем более, вслух. Тем более, при коллегах. Опухнуть можно! И откуда Ген Геныч узнал, о чём я думаю сам на сам? Опа! А может, кто-то из вас, господа, процитировал ему избранный кусок из моей доверчивой исповеди? Нет, я ни в коем разе никого не обвиняю конкретно, но больше вариантов у меня нет. К моему великому сожалению! Ладно, не пойман — не стукач, а пойман — доброжелатель. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись! Болтун — находка для шпиона! И т. д., и т. п.

Между прочим, я считаю, что только благодаря продукции умственного труда коллектива Конторы наша держава опять скоро станет супер — со всеми вытекающими последствиями. Все слышали? Вот и славненько!

— Супер — говоришь? Хорошее дело! И я на это очень надеюсь!

Ну что ты будешь делать! Опять, что ли, сам с собою разговариваю? Маразм нагрнул незаметно, когда его никто не ждал...

— Ген Геныч, до дома не подкинешь? Чтоб не тратиться на метро.

— А может, лучше — деньгами?

— А может, лучше — отгулами?

— Так ты же завтра и так не выходишь.

— Так это завтра. А в пятницу?

— А в пятницу — что?

— В пятницу? В пятницу, Ген Геныч, я буду отдыхать от любви.

— От какой любви?

— От пламенной. Возгорится сегодня. И будет полыхать не менее суток.

— Расскажешь потом?

— Ни-ни! Перехватчиков нам не надо! Да там им и не обрыбится — не тот это случай! Ну так — как?

— Ладно, не выходи. Но в понедельник я нагржу тебя выше крыши!

— Лады!

— А через неделю мы едем с тобой в Финляндию.

— Ген Геныч, да я же невыездной, и загранпаспорт у меня — ёк.

— Не бойсь — оформим!

— А надо?

— Надо!

— Тогда — конечно.

Ген Геныч высадил меня у метро.

— Извини, Александр! Мне сегодня действительно недосуг.

— И мне — не до них. Увидимся в понедельник!

Ген Геныч тронул с места, но тормознул.

— Александр!

— Ген Геныч?

— Спасибо!

— Пожалуйста!

Я не сказал ему, что, мол, не за что, так как за знакомство с Лоран я и сам бы отдал полцарства. Но Лоран уже была на пути к Парижу, а у меня по плану намечалась встреча с Мальвиной. Ах, Мальвина, Мальвина! Не знаю, что со мной такое, но я пугаюсь встречи с тобой! Старею, что ли?

Дома я принял душ, перекусил и попытался сосредоточиться. Знакомая редакторша торгово-ведомственного издания заказала мне статью о влиянии ассортимента на сексуальные возможности человека. Мы с ней как-то уюкошили вечерок в кафе, и я там таких параллелей между сексом и торговлей нарисовал, что она тут же взяла с меня слово, что я всё это изложу на бумаге. Легко сказать: болтать под кофе что на ум взбредёт — это одна сторона медали, а излагать всю эту галиматью для печати — совсем другая история. Для писательства необходимо полное отречение от мирской суеты.

Я включил компьютер, смастырил файл и надолго задумался над названием. Ничего толкового на ум упорно не шло. Да тут ещё отвлекающие факторы навалились со всех сторон. В ванной капли из крана долбали эмаль. Прокладка давно куплена, но руки до замены дойти не могут. Ноги дошли бы куда быстрее. На другом конце дома плакал ребёнок. И на что у нас милиция только смотрит? Ребёнок с бухты-барахты плакать не будет: у деток всё под контролем. В соседнем микрорайоне кричали «Горько!» Моветон какой-то! Женятся, кричат несусветное, суетятся на брачном ложе, рожают детей, закрывают глаза на их крокодильи слёзы, прокладки в ванной никогда не меняют — ну как тут писать статью?!

И всё же главным отвлекающим фактором для меня была Мальвина. Она по-хозяйски расположилась в моей черепной коробке, творила там чёрт-те что, третировала сознание и даже занималась со мной любовью.

Со мной такое часто бывает: сначала я прокручиваю в уме (а на что ещё он нужен современному мужику?) все возможные при встрече позиции и подходы, а после свершившегося контакта ловлю себя на мысли, что всё это мной придумано. Иной раз случаются такие совпадения моих фантазий и голой реальности, что это можно объяснить лишь только с позиции мистики. Например, однажды я вообразил, что у девушки по имени Света в левой средней части лобка цветёт прелестная родинка. И чтоб увидеть её отчётливо, надо слегка подуть на слабые колечки волосиков, а ещё лучше — аккуратно разложить их руками, и тогда цветочек можно поцеловать. И тогда он испуганно вздрогнет и сожмётся в тугой бутон, и лёгким импульсом тока ударит нежданного гостя в порядке самозащиты. Вот такое вообразил я про родинку девушки Светы, хотя видел её до приступа фантазии всего один раз — зимой, на улице, в трескучий мороз. Чтобы удостовериться в правильности видения, я целую неделю по вечерам дожидался её часами на том же месте, где видел раньше. Благо, что это было у входа в универсам, и она выходила из

магазина с покупками, а потом свернула за угол и пошла в глубь строений. И я её всё же встретил! И лихо ворвался в её квартиру! И насильником скинул с неё одежды! И первым делом бросился на поиски родинки, и нашёл её на законном месте, и раздвинул нежно волосики, и далее — всё по сказанному!

А сейчас в моих фантазиях бесчинствовала Мальвина, и, чтобы она не растерзала меня заранее, я наскоро обозвал пустой файл статьи «Витриной эротики», выключил компьютер и позвонил своей Леночке.

Она ответила сразу, словно уже держала трубку в руке:

— Алло.

— Что — алло?

— Привет! — опять зазвенела Мальвина вчерашними колокольчиками.

— Что — привет?

— Ну, где ты?

— Да тут я, тут! Погладь колготки — я выезжаю! И не забудь засунуть зубную щётку в мой стаканчик на полочке!

— Уже заснула. И пижама лежит на кресле.

Ой! Мальвина меня этой пижамой сразила влёт. Надо было что-то ответить, но сообразительность буксовала на месте, и каждое мгновение молчания вырывало клочками почву из-под моих слабеющих ног.

— Готовь ватрушки! — глупо ляпнул я и бросил трубку на аппарат.

— Македонский, ты, кажется, крупно втюхался! Македонский, тебя обходят по флангу! Македонский, прикрой тылы! Македонский, победа будет за нами! — во весь голос разговаривал я сам с собою (это уже хроническое) в прихожей, торопливо напяливая левую туфлю на правую ногу.

— Македонский, поберегись! — выкрикнул я, вылетая из квартиры на финишную прямую.

Дорогу от дома до Мальвины я преодолел быстрее скорости звука. И весь путь перед глазами мелькали распахнутые и запахнутые полы кимоно. Распахнутые — запахнутые. Распахнутые — запахнутые. Распахнутые...

Я оставил Роднулю недалеко от подъезда Лены, щёлкнул пультом сигнализации и бегом побежал в подъезд. Стоп: сигнализация не включилась! Я вернулся к лайбе, проверил двери и погладил лобовое стекло.

— Роднуля, ну сколько раз тебе говорить: да люблю я тебя, люблю, но у нас с тобою — всё по-другому!

Роднуля надула губы. Я хмыкнул и спокойно вошёл в подъезд.

— Где моя пижама? — спросил я, входя в жилище Мальвины.

— А зачем тебе, милый, пижама? — тихо выдохнула Мальвина и скинула на пол знакомое кимоно.

Реальность скачками рванула в сторону, уступая в моей жизни место фантастике и блаженству...

— Милый, расскажи мне что-нибудь о себе! — устало попросила меня под утро моя любимая.

— А что рассказывать? — удивился я. — Нечего мне рассказывать! Я — вот он, тут, с тобою. И полностью открыт для тебя!

Я поцеловал Мальвину, и её вполне устроило то, что опять на нас надвигалось...